

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ 1943

КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ВОВ

**МОСКВА
2018**

УДК 94(47+57)"1943"
ББК 63.3(2)622.12
И85

Исаев, Алексей Валерьевич.

И85 Легендарный 1943. Коренной перелом в ВОВ /
Алексей Исаев. — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. —
544 с. — (Главные книги о войне. Подлинная исто-
рия Второй Мировой).

ISBN 978-5-04-094921-2

Оправдывая неудачи зимы 1941 и 1942 гг., немцы все время говорили о «лучшем советском полководце — генерале Морозе», после чего брали реванш летом. Казалось, так будет и в 1943 г. Уже в марте, после ошеломляющей победы под Сталинградом, советские войска потерпели сокрушительное поражение под Харьковом. Однако лето 1943 г. показало, что советские войска могут побеждать и без генерала Мороза. Почему гитлеровцам на этот раз не удалось повторить успех предыдущих летних кампаний? Как менялось соотношение сил на советско-германском фронте? С чего началось легендарное ОСВОБОЖДЕНИЕ? И какую цену пришлось заплатить за первые летние победы Красной Армии и «коренной перелом в Великой Отечественной войне»?

От Сталинградского триумфа до немецкого контрудара под Харьковом и от Огненной дуги до форсирования Днепра — в этой книге ведущий военный историк анализирует переломные сражения Второй Мировой, в ходе которых Красная Армия перехватила у Вермахта стратегическую инициативу, чтобы не упустить ее до самого Берлина.

УДК 94(47+57)"1943"
ББК 63.3(2)622.12

ISBN 978-5-04-094921-2

© Исаев А. В., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Момент истины. С испанского: El momento de la verdad.

Так в испанской корриде называется решающий момент поединка, когда становится ясно, кто станет победителем — бык или матадор. Выражение стало популярным после того, как появилось в романе «Смерть после полудня» (1932) американского писателя Эрнеста Миллера Хемингуэя (1899–1961).

Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений.

Целью боя был заключительный удар шпагой, смертельная схватка человека с быком, «момент истины», как его называют испанцы. И весь ход боя служил лишь подготовкой к этому моменту.

Э. Хемингуэй

Введение

В 1943 г. в СССР у всех на устах было слово «Освобождение». Красная армия уверенно двигалась на запад, освобождая города и села. Враг был еще силен, но именно в 1943 г. маятник удач и поражений превратился в нескончаемую череду катастроф германской армии.

Данная книга состоит из очерков, описывающих знаковые события 1943 г. на советско-германском фронте:

три сражения за Харьков;

грандиозную битву на Курской дуге, от начала «Цитадели» до отхода немецких войск на запад под ударами советских войск в ходе операций «Румянцев» и «Кутузов»;

форсирование Днепра и освобождение Киева;

сокрушение двух казавшихся неприступными оборонительных рубежей в южном секторе советско-германского фронта: рубежа Миусе и «позиции Вотана».

Харьков был, пожалуй, последним заметным успехом германской армии на Восточном фронте. После марта 1943 г. немцы еще добивались определенных успехов

в обороне. Например, зимой 1943/44 г. группе армий «Центр» удалось сдержать цепочку ударов нескольких советских фронтов в Белоруссии. Но это была скучная позиционная «мясорубка», не идущая ни в какое сравнение с по-настоящему красивым сражением под Харьковом. Контрудар Манштейна в марте 1943 г. вполне достоин внесения в учебники оперативного искусства как чистый и прозрачный пример маневренной обороны с переходом в контрнаступление в оборонительном сражении. Щелчок по носу под Харьковом в период полета на крыльях успеха под Сталинградом гулко отозвался на самом верху.

Неудача под Харьковом заставила советское руководство пересмотреть свою стратегию. Если ранее основой стратегии были активные действия, то весной 1943 г. инициатива была совершенно сознательно передана противнику. Последний раз такое наблюдалось в начале осени 1941 г., после киевской катастрофы и неудач в наступлениях на западном направлении. Тогда безоговорочное признание владения инициативой за противником закончилось обвалом фронта, цепочкой «котлов» — Вяземского, Брянского и Мелитопольского.

Однако летом 1943 г. катастрофы не произошло. Напротив. Курская битва обозначила окончательный переход стратегической инициативы в руки советского командования. Она стала переломным сражением войны, и сама форма ее проведения советским командованием стала интерпретироваться как ключ к успеху. Стратегическая оборона стала пропагандироваться как универсальный рецепт счастья. «Если бы поступили так же, как под Курском...» стало присказкой на все случаи жизни. «Курскую» тактику даже предлагалось использовать в июне 1941 г. в условиях недоразвернутости армии и низких плотностей соединений армий прикрытия. Несколько более осмысленным было предложение превратить в сплошную Курскую дугу весь советско-германский фронт перед началом летней кампании 1942 г.

Достаточно характерно в этом отношении высказывание доктора исторических наук А. Орлова на круглом столе

в «Красной звезде» в 2003 г. Он тогда высказался следующим образом: «Кстати, под Курском у нас как раз получилось именно то, что, по идее, должно было быть в 41-м. Сейчас у нас иные «историки» и «публицисты» очень любят говорить о том, что в 1941 году Сталин якобы готовил нападение, да Гитлер, мол, его опередил. На самом деле, как мы знаем по документам, у нас доктрина была политически оборонительная, а стратегически — наступательная. Тогда мыслилось как? В случае неспровоцированной агрессии противник будет остановлен и наша оборона будет продолжаться 15–20, максимум 30 дней. За это время пройдет мобилизация, и мы перейдем в решительное наступление... Ничего этого не получилось. Почему? Да потому, в частности, что вопросам организации обороны не уделялось достаточного внимания. Она не отрабатывалась ни на каких командно-штабных военных играх. Все игры, которые проводились в январе 41-го года, начинались с 15-го дня войны! То есть когда противник уже отброшен и войска переходят в наступление. И вот теперь, через два года войны, мы осуществили то, что должно было быть в 41-м... Эти тяжелейшие годы не прошли даром. К 43-му мы уже знали, как надо делать, и имели достаточно сил для того, чтобы все это сделать». Перед нами довольно очевидное сопоставление и сравнение 1941 г. с 1943 г. Если вычленить основной тезис, то он будет таким: «все дело в технологии обороны». Тот факт, что мобилизация как раз давала силы для построения обороны, попросту игнорируется. Так или иначе, от сравнения успеха в обороне на Курской дуге и неудачи в обороне в Приграничном сражении 1941 г. никуда не уйти.

Давно назревший вопрос о применимости опыта обороны под Курском к событиям первого года войны требует определенного и обоснованного ответа. На данный момент Курская битва исследована достаточно хорошо для того, чтобы делать обобщающие выводы. В последние годы появились как отечественные, так и зарубежные исследования, которые без малейшего преувеличения можно назвать фундаментальными. В первую очередь это

книги В.Н. Замулина «Курский излом», «Засекреченная Курская битва», а также Цеттерлинга и Франксона «Курск 1943. Статистический анализ». Свою задачу автор видел в вычленении ключевых моментов битвы, характерных тактических приемов сторон и сжатом изложении хода сражения на современном историческом уровне.

Не меньший интерес представляют наступательные операции Красной армии второй половины 1943 г. Они также немало нам говорят о принципиальной возможности реализации долгосрочной пассивной стратегии, нацеленной на «прочную оборону». Обладавший достаточными навыками ведения боевых действий и мощными противотанковыми средствами (включая танки новых типов) вермахт раз за разом терпел поражение. Утрата стратегической инициативы и переход к обороне стали для германской армии началом конца.

ХАРЬКОВ 1943

«Звезда» и «Скачок». Планы и силы сторон

Особенность любого сражения на окружение, часто называемого «каннами» по имени одной из известнейших битв Античности, заключается в том, что из построения противника вырывается сразу большой фрагмент его войск. В линии фронта образуется обширная брешь, для заделывания которой требуется вводить в бой крупные резервы или растягивать фронт объединений по обе стороны от образовавшейся пустоты. Окружение одной из сильнейших немецких армий, 6-й армии Ф. Паулюса, под Сталинградом привело именно к такой ситуации. Образовалась пустота, которую нужно было как-то заполнить для образования сплошного фронта. Частично эта задача решалась сокращением линии фронта отходом на запад, частично переброской резервов из других групп армий.

Необходимость латать фронт заставила немецкое командование отдать стратегическую инициативу в руки противника. Советское командование незамедлительно воспользовалось этим и провело две крупные наступательные операции, которые были своего рода «ремейками» Сталинграда, — Острогожско-Россошанскую и Воронежско-Касторненскую операции. Первая началась 15 января 1943 г. и была проведена силами Воронежского и Юго-Западного фронтов, а также 18-го отдельного стрелкового корпуса. Результатом операции стало уничтожение 2-й венгерской армии и итальянского альпийского корпуса. Открывшийся в результате наступления правый фланг 2-й немецкой армии побудил советское командование раз-

вить успех и начать 24 января Воронежско-Касторненскую операцию смежными флангами Воронежского и Брянского фронтов. В результате двух последовательно проведенных операций были разгромлены основные силы немецкой группы армий «Б» и пробита брешь шириной 400 км на фронте от Ливн до Старобельска. Очевидный успех окрылил командование наиболее успешно наступавших фронтов и верховное командование. В результате на свет появились планы операций «Звезда» и «Скачок». План операции по освобождению Харьковского промышленного района и города Белгорода, получивший кодовое наименование «Звезда», появился на свет еще до начала Воронежско-Касторненской операции. По указанию Ставки ВГК началась разработка плана операции. 21 января представитель Ставки ВГК А.М. Василевский и командующий Воронежским фронтом Ф.И. Голиков представили на рассмотрение командования план операции по овладению районом Харькова и Белгорода. В полночь 23 января Сталин утвердил ее и лично продиктовал обычную в таких случаях директиву. Начало операции «Звезда» намечалось на 1 февраля 1943 г. Глубина ее составляла почти 250 километров. Несколько осложнялась задача Воронежского фронта тем, что он действовал на расходящихся операционных направлениях. Первым направлением был Курск, вторым — Белгород и Харьков.

Для овладения районом Харькова назначались 38-я, 40-я общевойсковые и 3-я танковая армии, 18-й отдельный стрелковый корпус (вскоре ставший 69-й армией) и 6-й гвардейский кавалерийский корпус Воронежского фронта. Обе армии были усилены соединениями, переданными из 60-й армии. В боевой состав 38-й армии согласно распоряжению Ф.И. Голикова от 28 января 1943 г. назначались: 240, 167, 206-я и 237-я стрелковые дивизии 38-й армии, 232-я стрелковая дивизия и 253-я стрелковая бригада из 60-й армии. Средствами усиления 38-й армии были 180, 14-я и 150-я танковые бригады, три артполка РГК. В боевой состав 40-й армии, наступавшей на Харьков через Белгород, назначались 303-я и 100-я стрелковые

дивизии из состава 60-й армии, 25-я гвардейская, 183, 309, 107, 340-я и 305-я стрелковые дивизии, 4, 6-я и 8-я лыжные бригады и 129-я стрелковая бригада. Средствами усиления армии по плану командования фронта были 4-й танковый корпус, 10-я артиллерийская дивизия, 4-я дивизия РС и 5-я дивизия ПВО. Наиболее сильным объединением Воронежского фронта, ставшим основным участником сражения за город Харьков, была 3-я танковая армия генерал-лейтенанта Павла Семеновича Рыбалко.

К началу сражения за Харьков 3-я танковая армия была своего рода «реликтом» советской военной машины. Она относилась к первой волне создания танковых армий и была сформирована по директиве Ставки ВГК от 25 мая 1942 г. В отличие от своего собрата — 5-й танковой армии А.И. Лизюкова, сгоревшей в огненном вихре «Блау» под Воронежем, 3-я танковая армия, которой тогда командовал генерал-лейтенант П.Л. Романенко, провела 1942 г. в позиционных боях на центральном участке фронта. С 22 августа по 9 сентября участвовала в Козельской наступательной операции Западного фронта. После окончания операции П.Л. Романенко был направлен в 5-ю танковую армию (2 формирования). В командование 3-й танковой армией вступил генерал-майор (с 19 января 1943 г. — генерал-лейтенант) П.С. Рыбалко. До этого он занимал должность заместителя командующего танковой армией по стрелковым войскам. Как и многие командующие танковыми соединениями и объединениями Красной армии и вермахта, П.С. Рыбалко был из старых кавалеристов. Еще в конце 20-х годов он получил должность командира 7-го кавалерийского полка. Знакомство с тактикой и оперативным использованием конницы, как мы увидим далее, существенно помогло командующему 3-й танковой армией в проведении наступления на Харьков.

Зимой 1943 г. танковая армия П.С. Рыбалко, как это было принято в тот период, была смешанного состава, помимо танковых соединений в нее входили стрелковые дивизии. По своей структуре и задачам она во многом напоминала немецкие моторизованные и танковые корпуса.

К моменту начала операции танковые войска были представлены 12-м танковым корпусом генерал-майора танковых войск М.И. Зиньковича, 15-м танковым корпусом генерал-майора танковых войск В.И. Копцова и 179-й отдельной танковой бригадой полковника Ф.Н. Рудкина. Помимо двух танковых корпусов в состав армии входили 48-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Н.М. Маковчука, 62-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Г.М. Зайцева, 184-я стрелковая дивизия полковника С.Т. Койды, 160-я — полковника М.П. Серюгина и 111-я — полковника С.П. Хотеева. В оперативном подчинении штаба 3-й танковой армии также находился 6-й кавалерийский корпус генерал-майора С.В. Соколова, предназначенный для обеспечения операции с юга. Боевой и численный состав танковых и стрелковых соединений 3-й танковой армии на момент начала операции показан в таблице 1. Армия П.С. Рыбалко начала операцию без оперативной паузы, сразу же после завершения предыдущего наступления. Характерная деталь: уже к началу операции «Звезда» госпиталя армии были переполнены, на больничных койках находилось 3954 человека раненых и больных.

Таблица 1

Численный состав соединений 3-й танковой армии

Соединение	Люди	Ручные пулеметы	Станковые пулеметы	ПТР	Пушки и гаубицы		
					45 мм	76 мм	122 мм
12-й тк	7594	185	58	103	12	22	—
15-й тк	7611	157	53	114	12	18	—
179-я отбр	1118	18	4	9	—	4	—
48-я гв. сд	8775	309	140	255	39	32	12
62-я гв. сд	4189	112	77	186	21	33	12
160-я сд	4215	74	47	70	8	25	3

184-я сд	7262	143	57	144	41	30	8
111-я сд	6446	123	35	75	24	27	8
Таблица составлена по данным ЦАМО РФ. Ф. 3ТА, оп. 4487, д. 66, л. 36.							

Всего, с учетом всех частей и соединений, численность войск 3-й танковой армии составляла: 57 557 бойцов и командиров (42 280 человек числилось в «активных штыках»), 9502 автомата, 1250 ручных пулеметов, 535 станковых пулеметов, 1353 противотанковых ружья (ПТР), 1223 миномета различных систем, 189 противотанковых орудий, 256 орудий калибра 76 мм, 116 гаубиц калибра 122 мм, 17 орудий калибра 152 мм. Численность танкового парка армии была 223 машины, из них только 85 были боеготовыми. Полоса наступления 3-й танковой армии составляла 60 км, сужаясь к Харькову до 35–40 км. Задача армии, поставленная штабом Воронежского фронта, была, «отрезая пути отхода противнику на Полтава, с ходу овладеть г. Харьковом не позднее чем в 5-й день наступления»¹. Задачи по взаимодействию с войсками Юго-Западного фронта командующий фронтом Ф.И. Голиков 3-й танковой армии не ставил. Согласно решению командующего, 3-я танковая армия должна была наступать в двух эшелонах. В первом были четыре стрелковые дивизии и стрелковая бригада. Второй эшелон армии составляли подвижные части — 12-й и 15-й танковые корпуса, 6-й кавалерийский корпус. Танковые и кавалерийский корпуса предполагалось не обнаруживать до выхода на западный берег реки Северский Донец, где их удар с юга и юго-запада на Харьков должен был бы стать внезапным и потому неотразимым.

Однако уже на этапе сосредоточения танковой армии первоначальный план был нарушен. От ведения боевых действий в двух эшелонах отказались. Танковые корпуса и стрелковые соединения армии П.С. Рыбалко выдвинулись для наступления плечом к плечу, в один эшелон. Ис-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3ТА, оп. 4487, д. 66, л. 37.

Командующий Воронежским фронтом генерал-полковник
Ф.И. Голиков (слева) и командир 182-й стрелковой дивизии
генерал-майор С.В. Шатилов за работой. Февраль 1943 г

ходные рубежи для наступления 3-й танковой армии были образованы внешним фронтом окружения предыдущей операции. 7-й кавалерийский корпус (ставший 19 января 1943 г. 6-м гвардейским кавалерийским корпусом), согласно принятой в Красной армии технике ведения операций, прорвался глубоко вперед и захватил рубеж реки Оскол и станцию Валуйки. Вскоре к нему присоединилась 184-я стрелковая дивизия. Эти два соединения обеспечили развертывание армии на рубеже Валуйки–Уразово–Каменка для проведения операции «Звезда». К 31 января войска 3-й танковой армии в основном завершили ликвидацию окруженного в Воронежско-Касторненской операции противника и сосредоточились на занятом ранее пехотинцами и кавалеристами рубеже. Длительные марши и бои отрицательно сказались прежде всего на танковом парке армии. К моменту выхода на исходные рубежи для насту-

пления в составе 12-го танкового корпуса было в строю 20 танков, 15-го танкового корпуса тоже 20 танков и в составе 179-й отдельной танковой бригады 10 танков. Например, 15-й танковый корпус совершил 120-километровый марш в район сосредоточения, после того как прошел почти 200 км с боями. Бригады танковых корпусов по существу превратились в мотопехоту, поддержанную незначительным количеством танков. Так, в 30-й танковой бригаде 12-го танкового корпуса за день до начала операции, 1 февраля 1943 г., насчитывалось 3 Т-34, 1 Т-70 и 4 Т-60. В 97-й танковой бригаде того же корпуса — 4 КВ, 3 Т-70, 41 автомашина. В 106-й танковой бригаде — 4 Т-34 (из них всего один на ходу), 4 Т-70 и 38 автомашин¹. Несмотря на формальное наименование «танковая», основным действующим лицом наступления армии стала пехота и кавалерия.

Говоря о возможностях танковой армии П.С. Рыбалко, необходимо также сказать следующее. Основным отличием советских танковых армий от немецких моторизованных/танковых корпусов была слабость артиллерии. Хотя в сравнении с самостоятельно действовавшими советскими танковыми и механизированными корпусами в танковой армии была гаубичная артиллерия (прежде всего в стрелковых дивизиях), ее качество и количество существенно уступали артиллерии среднестатистического немецкого танкового корпуса, прежде всего по тяжелой артиллерии. Этот фактор существенно ограничивал возможности танковой армии зимы 1943 г. по действиям в глубине обороны противника после прорыва его фронта. В немецких танковых и моторизованных соединениях того же периода даже в условиях больших потерь танков (или вследствие их задержки на марше) оставалось сильное мотопехотное и артиллерийское звено.

Поддержку с воздуха наступлений Воронежского фронта осуществляла 2-я воздушная армия генерал-майора авиации Смирнова. Армия участвовала в Сталинградской битве в подчинении Юго-Западного фронта и только в ян-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3405, оп. 1, д. 29, л. 49.